

Ловушка застоя

Сможет ли российская экономика вернуться на гражданские рельсы

Полномасштабная война России против Украины длится уже почти как Великая Отечественная, а потому кажется бесконечной. Но рано или поздно она закончится, что поставит вопрос о возвращении российской экономики на гражданские рельсы и перераспределении спроса из военных в гражданские отрасли. По крайней мере, этого хотели бы экономический блок правительства и Центральный банк, до последнего предупреждающие о накоплении рисков и угрозе стагнации.

В то же время Владимир Путин последовательно придерживается курса на войну до победного конца и милитаризацию экономики, не останавливаясь перед санкциями, высокой инфляцией, снижением уровня жизни и структурными перекосами. Конверсия оборонного сектора не в приоритете, даже если война в Украине завершится в обозримом будущем. Наоборот, в планах Кремля — перевооружение армии и пополнение складов, которое будет поддерживать спрос на продукцию ВПК как минимум в ближайшие три года.

Такой выбор понятен. Даже если бы Путин захотел вернуться к мирной экономике, ставка на военный сектор и мобилизационную модель в течение последних трех лет уже привела к тому, что Россия застряла в «ловушке застоя» с низкими темпами роста и хроническими внутренними дисбалансами. Попытка быстро урезать расходы, если она будет, обернется коллапсом. Однако бесконечно кормить военную машину тоже невозможно. А значит, рано или поздно России придется опять проходить трудный путь назад к гражданке через синхронную перестройку по всем фронтам.

Экономика двух скоростей

За последние три года в России сложилась экономика двух скоростей, когда связанные с войной сектора растут и процветают благодаря приоритетному доступу к ограниченным ресурсам — сырью, финансам, технологиям. Зато частный сектор, малый и

средний бизнес, потребительские отрасли сталкиваются с искусственным сжатием возможностей из-за санкций, роста налогов и ограниченного доступа к капиталу.

Подобный механизм создает эффект экономического пылесоса: ресурсы перераспределяются от менее приоритетных секторов к стратегически важным, что позволяет государству концентрировать средства на ключевых направлениях, но порождает структурные диспропорции. Это хорошо видно, например, по статистике производства металлических изделий, которые включают оружие и боеприпасы: выпуск в этой группе товаров растет двузначными темпами с начала войны, в то время как выпуск невоенной продукции сокращается.

*Чрезмерная
милитаризация и
протекционизм,
диктуемые Кремлем,
выступают главными
драйверами спроса в
экономике*

Чрезмерная милитаризация и протекционизм, диктуемые Кремлем, выступают главными драйверами спроса в экономике. Потребительский спрос ограничен инфляцией; частный инвестиционный спрос вытесняется бюджетными расходами. Экономика уже закрепились в модели, где военная рента, по сути, выполняет для некоторых бизнесов и категорий граждан ту же функцию, что нефтегазовые сверхдоходы в 2000-е.

Отличие в том, что в 2000-е сырьевые сверхдоходы поступали в экономику извне и перераспределялись во многом через бюджет, попутно создавая потребительский и инвестиционный спрос. Сейчас же государство финансирует войну из все той же сырьевой ренты, только заметно сократившейся, а расходы эти идут на производство уничтожаемых на полях Украины танков, дронов и снарядов, а также прижизненные и гробовые выплаты для военнослужащих.

Во внешней торговле сохраняется положительное сальдо, но нефть и газ продаются со значительным дисконтом, а география поставок в условиях западного эмбарго сместилась в Азию и на Глобальный Юг, давая новым покупателям мощный переговорный рычаг. Импорт ограничен санкциями, что повышает издержки бизнеса и снижает технологическую насыщенность производства. Счет капитала закрыт: действуют регулирование продаж экспортной выручки (в 2023 году экспортеры должны были продавать 90% из нее, сейчас норматив обнулен, но не отменен) и нормативные ограничения на отток капитала. Формально баланс устойчив, но за счет жесткой

административной поддержки, а не гибкости экономики.

Инвестиции концентрируются в военно-промышленном комплексе и проектах импортозамещения, зачастую низкотехнологичных. Частные вложения в экспортно ориентированные сектора сокращаются из-за налогового давления и неопределенности. Эффект вытеснения приводит к тому, что отрасли с потенциалом интеграции в глобальные цепочки (автопром, самолетостроение, фармацевтика, ИТ) теряют позиции и фактически деградируют.

Цена пути назад

Российская оборонка сжирает почти 8 процентов ВВП — и слезть с военной иглы без экономического коллапса можно лишь при жестком выполнении сразу пяти условий.

Первое: внешние угрозы должны реально исчезнуть, а не просто быть объявлены побежденными — с гарантиями безопасности, которые устроят самого Путина. Второе: массовая демобилизация контрактников с их принудительным переучиванием и встраиванием в гражданскую экономику регионов. Третье: хотя бы частичное снятие санкций для доступа к критически важным технологиям и компонентам.

*Российская оборонка
сжирает почти
8 процентов ВВП*

Четвертое: революция в оборонзакупках — вместо бессмысленного «освоения бюджета» ввести жесткие ключевые показатели эффективности, включая реальную стоимость военного эффекта и конверсионный потенциал. Пятое: ставка на «народный ВПК» — экосистему малого и среднего бизнеса, способного кратно удешевить производство через модульность и массовость.

Без этого комплекса условий попытка сократить военные расходы обернется либо очередным шоком, либо фикцией в отчетах. Путина часто называли «удачливым» политиком, но собрать такую комбинацию факторов с помощью одного лишь везения будет трудно.

Бюджетная конструкция кричит, что траты надо снижать. Нефтегазовые доходы падают из-за ценовых дисконтов, логистической ренты многочисленных посредников, колебания курса рубля и рисков экспортных ограничений и новых потолков

цен. Доходы казны за первое полугодие 2025 года сократились на 16,9%, до 4,74 трлн рублей, за счет снижения выручки от продажи энергоносителей.

Падение базовой цены нефти на каждые \$10 за баррель отнимает около 0,8% ВВП доходов. Ненефтегазовые доходы растут, но не так быстро, как падают нефтегазовые, — из-за замедления экономики. Поднимать прямые налоги, чтобы компенсировать выпадающие поступления, Минфин не будет — он уже делал это в 2024 году, увеличив ставки налога на доходы физических лиц и налога на прибыль компаний. Остается жесткая приоритезация трат и «мобилизация доходов» — повышение косвенных налогов, сборов, акцизов и так далее.

Снижение внешних угроз в теории позволит постепенно вернуть оборонные траты на безопасные для экономики уровни. Но делать это придется постепенно. Например, с текущих почти 8% ВВП до целевых 5% с темпом 0,5–1% ВВП ежегодно. Растянутаость во времени необходима, поскольку одномоментное изъятие спроса на сотни миллиардов рублей станет шоком для военных предприятий. Впрочем, сценарий снижения военных трат видится маловероятным — за окончанием горячей фазы войны с Украиной последует масштабная программа по перевооружению.

Трудовые ограничения

Любое перераспределение спроса должно сопровождаться активными мерами по стимулированию рынка труда. По официальным оценкам, за полтора года войны (с начала 2023-го по середину 2024-го) на предприятия военно-промышленного комплекса дополнительно пришло работать 600–700 тысяч человек. Суммарная занятость в ВПК теперь примерно 3,8 млн человек.

Эта цифра нелинейна, и оборонная занятость сконцентрирована в отдельных регионах или даже моногородах. То есть любое изменение гособоронзаказа по номенклатуре автоматически становится вопросом занятости в отдельных регионах. Восполнить нехватку трудовых ресурсов в одном регионе можно работниками из другого. Но в России традиционно низкая трудовая мобильность, да и в целом напряженка с рабочими руками.

*Любое изменение
гособоронзаказа по
номенклатуре*

Безработица сейчас находится на рекордно низком уровне — 2,2%, то есть буквально некому работать. В теории у власти есть трудовой резерв — примерно 400 тысяч

*автоматически
становится вопросом
занятости в отдельных
регионах*

контрактников, которым после войны потребуются рабочие места. Но единовременный выпуск такого количества людей — это +0,5 п. п. к безработице. При рабочей силе около 75 млн и безработице 2,2% (1,65 млн) добавление 400 тысяч повышает ее примерно до 2,7% (2,05 млн). Это одномоментный шок для рынка труда, который при этом не решает проблему нехватки квалифицированных специалистов. Чтобы его избежать, власти, вероятнее всего, пойдут лишь на постепенную демобилизацию.

У Кремля сохраняются и другие весомые причины отложить возвращение на гражданский рынок труда ветеранов, многие из которых привыкли к насилию. Контрактники, как правило, обладают специфическим набором навыков, который мало востребован в гражданской экономике. Оплачивать боевые навыки героев, то есть платить им высокие зарплаты и переобучать, гражданские предприятия могут только в ущерб рентабельности или с помощью субсидий государства, которые сокращаются из-за снижения доходов бюджета. Кроме того, даже после окончания войны часть угроз сохранится. Видоизмененная граница потребует больше личного состава для ее охраны.

Внешние рамки

Санкции продолжают сдерживать рост российской экономики, снижая конкурентоспособность и гражданской, и военной продукции. Экспортный контроль и ужесточение комплаенса у посредников меняет экономику поставок электроники, оптики, аккумуляторов, компонентов как для военного, так и для гражданского сектора. Преодолевать дефициты удастся, но за счет роста транзакционных издержек.

Вместе с ними растет волатильность поставок, увеличивается доля брака и несоответствий. В ответ производители упрощают конструкции, переходят к выпуску товаров с менее требовательными техническими характеристиками и дешевыми, доступными компонентами. Это снижает технологическую сложность российской продукции и ее экспортный потенциал — дополнительные санкционные издержки зашиты в стоимость продукции. А рядом Китай с еще более дешевыми аналогами и отсутствием санкций, аналогичных российским.

Надежды на конверсию военных разработок и экспортный прорыв ВПК могут не оправдаться. Нынешняя система оборонзакупок, выстроенная по принципу «выпустил в штуках — освоил бюджет», превратила отрасль в гигантскую машину по переплавке госденег в «готовые металлические изделия» сомнительной боевой ценности. Доминирование оборонных монополистов действительно упрощает государственный контроль, но при этом взвинчивает себестоимость до небес и убивает инновации на корню.

Парадокс войны: производство дронов и критически важных компонентов удалось развернуть именно благодаря «народному ВПК» — сотням средних и малых предприятий, работающих быстрее и дешевле. Но этот успешный эксперимент обречен на смерть в мирное время. Сохранить роевую экосистему малого оборонного бизнеса означает кардинально перестроить все управление отраслью — а управленческие революции в условиях сжимающегося бюджета не случаются. Проще вернуться к привычной схеме: большие заводы, большие контракты, большие откаты.

До и после

До 2022 года российская экономика сочетала экспортный ресурсный сектор с относительно устойчивыми гражданскими отраслями. Например, российский автопром производил более 1,7 млн автомобилей в год при участии глобальных автоконцернов; ИТ и фармацевтика интегрировались в международные цепочки поставок.

Военные расходы держались на уровне 3–4% ВВП, оставляя пространство для инвестиций в инфраструктуру. Производственная база хоть и зависела во многом от импорта технологий и компонентов, но сохраняла задел для нормальной модернизации. Предприятия восстанавливали выпуск после кризиса, связанного с пандемией коронавируса, и строили глобальные планы.

После 2022 года структура экономики резко изменилась. Бюджет стал главным источником совокупного спроса. Военные расходы выросли до 6–8% ВВП и заняли до 40% бюджета, формируя эффект военной ренты. Это породило инфляцию: военный спрос столкнулся с ограниченными производственными возможностями и дефицитом импорта.

Чтобы сбить рост цен, ЦБ держит ставку двузначной уже более года. Для компенсации выпадающих доходов казны, помимо прямого повышения налогов на доходы для людей и бизнеса, активно

используются квазианалоги — экспортные пошлины, разовые изъятия, повышенные ставки для ресурсных компаний.

В этой конфигурации безболезненно вернуться к гражданской модели невозможно — никакая фортуна не поможет против кондовых законов экономики. Демобилизация и окончание войны потребуют масштабной перенастройки спроса, высвобождения ресурсов из оборонного сектора, перераспределения поредевшей из-за потерь и эмиграции трудовой силы и поиска новых источников валюты. Такой разворот неизбежно приведет к снижению ВВП в условиях, когда вся структура экономики подстроена под военные заказы, — то есть к очередному кризису. Пятому на счету Путина за последние четверть века.

(c) Carnegie Politika

Александра Прокопенко

Александра Прокопенко (Alexandra Prokopenko) — научный сотрудник Берлинского центра Карнеги по изучению России и Евразии, эксперт по российской экономической политике. Сфера ее интересов: денежно-кредитная и бюджетная политики; цифровая экономика; государственное регулирование и поведение и действия элит.

